

АНАСТАСИЯ БЛАГОДАРОВА

ЛАБИРИНТ АДЕЛИНЫ

Анастасия Благодарова

Лабиринт Аделины

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69792829

SelfPub; 2023

Аннотация

Незадолго до выпускного для Аделины наступила вечная ночь. Светлое будущее осталось за пределами родного дома, как, впрочем, и самое страшное. В отчаянии она сбежала в никуда, чтобы сама жизнь решила её судьбу. Вот только в пути происходит нечто необъяснимое. Аделина уверена – её преследует нечто. Хуже всего – нельзя увидеть, кто стоит прямо за спиной.

Анастасия Благодарова

Лабиринт Аделины

Сквозь щели полусгнивших брёвен бани сочилось зелёное лето. Где-то совсем рядом пела коса. Мама, стало быть, не теряя времени даром, наводила красоту в своём саду. Пятачок от огорода до дома засадила по-крупному. Снежная-годник, сирень, золотарник – всё большое, пышное, дикое. Казалось бы, кричащее в цвету, но за таким только прятаться от мира, не сгибая спины. Меж кустов – буйная трава да осколки кирпича в земле, доставшейся по наследству. Дочь боялась – мама со своей наточенной косой и рабочей прытью наскочит ножом на красный камень и порежет ногу. По себе знает, как это больно. Но теперь лишь хозяйка участка может ухаживать за ним и за всеми его пленниками. Верная себе, страдает, что называется, с огоньком.

Тяжёлый горячий пар смягчал резкий звук, доносящийся снаружи, клубился возле губ, душил поцелуем. Аделина полила на спутанные волосы тёплую, отдающую хозяйственным мылом воду, поставила таз на полку строго перед собой. Отпустила погнутые железные ручки его, хлопнула ладонью по стене. В палец вогналась заноза, кожу согрело сырое дерево. Опора значительно облегчила ориентацию в пространстве. Воображение невидимыми линиями начертило схему предбанника. Аделина, глядя бревно, по памяти шагнула в

сторону двери. Один кроткий шаг вправо, другой, и запястье лизнула ворсистая ткань. Чистое лицо, пахнущее берёзовыми листьями, озарила счастливая улыбка. Девушка гордилась, что нашла висящее на гвозде полотенце самостоятельно, и обернула его вокруг себя.

Вдохновлённая маленькой победой, толкнула наружную дверь. Мир наполнился звуками: грузным скрипом ржавых петель, взвизгом косы где-то в пяти метрах впереди, чужим вздохом. В босые ступни больно впивались крошечные камушки, рассыпанные на пороге. По крайней мере, отныне так Аделина чувствовала пыль. Всё на свете теперь было слишком большим.

– Чего выскочила?! – крик матери туго вкручивался в уши. – Сдурела? Ищешь подвигов?

Дочь, может, и искала бы. Дерзко, назло. Да только в один раз на крылечке бани она, вздумавшая добраться до дома без сопровождения, поскользнулась и сломала себе ногу. Всякий раз на этом самом месте сросшаяся кость теперь начинала ныть, как заговорённая. Фантомная боль обездвиживала, стыдила. Велела покорно стоять на месте и ждать помощи.

Судя по звукам, хозяйка бросила косу, но Аделине всё равно стало не по себе. Мама привычно причитала, что надо было позвать, что на пять минуток отойти нельзя, а дочь сжалась в плечах и приподняла руки, не зная, откуда и чего ждать. С грубой любовью, как умеет, поводырь поймал слепою за локоть, пнул шлёпанцы к её ногам.

– Ой, вот выперлась же! На кой тапки на улице оставила, а?

Аделина молча обулась, влажные ступни со скрипом втиснулись в резину. То был риторический вопрос, как и большинство маминых вопросов, громких, резких, полных безусловного возмущения. Если она и спрашивает, то чаще всего саму жизнь, напоминая ей о великой несправедливости к простым рабочим женщинам. Мама и так знает все ответы, а иная точка зрения – белый шум.

Аделину потянули за собой. Она придерживала полотенце на груди. С прикрытыми веками осталась та же темнота, зато так будто легче сконцентрироваться. Однажды слепая прислушается к советам врачей: «Не моргай, не двигай. Глазам нужен покой». Уголки рта чуть дёрнулись вверх. Зачем теперь-то покой? Чем оно поможет? Зрительные нервы оживут, чтобы различать хотя бы свет и мрак? Смешно... и грустно. Тем более что сегодня звуки и запахи словно потускнели. Пение птиц, жужжание мух и шуршание древесной листвы отделились, аромат скошенной травы и смрад соседского свинарника ослабели. Можно списать притупление чувств на зной, например, но это всё равно, что на кофейной гуще гадать. Горячая кожа дышала жаром бани, и сейчас неясно, какая погода. Солнечно, пасмурно? А, может, и вовсе ночь?

Щёлкнула входная дверь, носоглотку уколол запах ветхого тряпья и испражнений. Мама дала пару секунд, чтобы

дочь разулась и, не ослабляя хватки, повела в спальню, перед каждым порогом напоминая переступить. Аделина настаивала, что уж в своём доме имеет полное право передвигаться самостоятельно, пусть и наощупь. Сначала были обронённые табуретки, груды посуды, синяки ушибов обо все углы. Потом перелом с месяцем в постели, как та же бабушка. Тогда, чтобы добраться до туалета, требовалось два костыля: трость и мама. Та и наловчилась, и всякие попытки своей взрослой дочери учиться независимости пресекала на корню.

Девушку усадили на кровать.

– Так, тебе одеться.

– Я сама, – вяло запротестовала Аделина, водя руками по покрывалу в поисках вещей. Одним рывком с неё сдёрнули полотенце. – Мам!

Из веранды донёсся жалобный стон.

– Жди, – скомандовала мама, будто был выбор.

В одиночестве, пользуясь моментом, нашла и натянула халат, даже не наизнанку.

Если Аделина стала беспомощной относительно недавно (полгода назад), то бабушка лежала вот уже как десять лет. Справлялась под себя, ела с ложечки, мычала и выла, а мама самоотверженно продлевала ей жизнь. Обитателей дома преследовал запах затхлости, истлевших тряпок, больного человека. Когда свет для молодой девушки навсегда погас, обострилось обоняние, и пребывание в четырёх стенах превратилось в пытку. Тем страшнее тюрьма, что пленила в шаге

от свободы. Окончание школы, поступление в университет, переезд в общежитие, знакомство с новыми, интересными людьми... Беспольные слёзы заскользили по щекам. Аделина хотела бы оглохнуть, но снова слышала из коридора:

– Помаленьку... Ну, а что? В очках ходила, не заметила. Как стало зрение «падать», всё оттягивала. Сказала – в городе к врачу пойдёт, ага... Ты бы знала – зараза какая-то! А денег нема. Месяц – и «оп»! Ну! Бывает, ну... Я сколько раз говорила – здоровье с молодая беречь. Всё хихоньки-хахоньки.

Аделина повернулась к источнику звука, и если бы с ней сейчас кто-то был, решил бы, что видит она хорошо. С такой злой обидой смотрела. Вся родня до пятого колена, своя и не своя, уже в курсе тяжёлой участи сиделки двух инвалидов из умирающего села. Все сочувствовали, смакуя подробности, коими несчастная и сильная женщина охотно делилась. При этом никто никогда не навещал. О финансовой помощи стыдно даже заикаться. Новоиспечённая пенсионерка, одинокая грузная женщина, если не ухаживала за матерью и дочерью – не выпускала из рук мобильный телефон. Единственное развлечение. В том её никто не винил.

Несмотря на груз, каким на сердце ложились мамины откровения для равнодушных людей, девушка благословляла редкие минуты спокойствия. Вот и теперь нацепила наушники. Кнопочный плэйер ещё не пиликал – заряда не меньше двадцати процентов. Прослушивание музыки возвращало к

жизни – пускало в волшебный мир образов и иллюзий тактильных ощущений. За кратковременное удовольствие велика плата – изоляция от мира, обступающего чёрной глухотой. Аделина подвергала себя опасности, оставаясь с песней один на один. Блокируя слух, открывала свою уязвимость. В таком состоянии никогда не знаешь, когда и откуда ударит.

Вскрикнула, подскочив на месте, когда с головы сорвали наушники. Мама, будто пародируя рок-певца, заорала:

– Твою ж, я выкину эти уши! Мне от тебя не отходить, что ли?!

Что-то всколыхнулось в опалённой страхом груди. Неожиданно для самой себя слепая разревелась, как не ревела уже неделю. Глава семьи, игнорируя её истерику, упивалась собственной. Вдалбливала прописные истины, повторяла невыполнимые требования. Аделина балансировала на той грани, где либо следует послать мать к чёрту, либо пасть в ноги и молить о недостижимом прощении. Поэтому только плакала и плакала, безостановочно и страшно, даже когда дом без межкомнатных дверей затопила летняя ночь.

Мама оставила работу продавщицы продуктового магазина этой весной, по понятным причинам осела дома. Отныне трое кормились с пенсий. С затянутыми поясами голодный желудок реже болит. Однако, каким-то чудом, глава семьи умудрялась откладывать копейки, чтобы раз в месяц отправляться в город по всякой неотложной надобности.

Мама сильно переживала по поводу своего отъезда. Обещала управиться за день, но и до заката может случиться, что угодно. По соседству старики – присмотреть за домашними некому, а платить прочим за услуги сиделки нечем.

Настал момент «пан или пропал». Женщина пыталась решить проблему, как могла. Усадила дочь на табурет у постели своей матери. Дала наполненный водой ковш – поить и самой пить. Поставила рядом ведро – нужду справлять. Чу-

жой рукой поводила по столу – нащупать ломоть хлеба и мытые овощи. Оставшаяся за главную выслушала наставления. Заверила, что всё будет хорошо, и мать с тяжёлым сердцем уехала на утреннем автобусе.

Около часа Аделина прислушивалась к цокоту древних часов и хриплому с посвистом дыханию бабушки. Девушке мерещилось, будто она думает обо всём на свете и воочию видит мысли, хотя на самом деле голова совершенно пуста. В темноте, рассекая солнечные лучи, падающие под углом из кособоких окон, слепая прокралась куда-то вглубь дома. Грациозная осторожность и робость движений превращали сборы в элегантный танец. С мягкими, плавными касаниями Аделина изучала убранство, как если бы нагрязнула вором в чужой дом. То было не похоже на иголку в стоге сена. Очередной предмет, стукнувшись о кончики пальцев, пугал внезапностью. Кусал холодом, твёрдостью, липкостью. Странное занятие ничем, кроме пробуждения больной, не грозило, но глубинные инстинкты истязались.

По итогу нашлись и переключали в дорожную сумку простыня, мыло, бутылка с водой, шерстяной клубок, чёрствые пряники с яблоками и плащ. Прощупывая швы, Аделина натянула штаны, вероятно, свои, а на плечи накинула чью-то куртку. Шершавая стена привела к глянцевой глади – плакат. Если мама ничего не перевесила – это календарь. Значит выход в двух шагах слева.

Внучка помедлила. Повернулась туда, откуда доносилось

сопение.

– Бабушка, прости.

В резиновых сапогах на босу ногу беглянка вышла в июньский день. Отпустила дверную ручку, сошла с крыльца и окунулась в бесконечную пустоту. Щекотка паники зарябила под кожей, верно отзываясь на залихватскую арию жизни. Задорно и беспечно чирикали синички. Забавно жужжа, возле колена пролетел кто-то тяжёлый, то ли шмель, то ли овод. Земля пахнула ореховой горечью сорной травы, а слабое дуновение принесло с медовых полей сладость гречихи.

Обидно и глупо будет убиться в раю. Тем более что Аделина и не догадывалась, как выглядит в полном обмундировании. Вдруг взаправду похожа на чёрта? Стиснула зубы, вытянула руку и, ведомая интуицией, спотыкаясь, зашагала вперёд. Сердце ускорилося. Ум тасовал самые абсурдные варианты развития событий: обрыв, открытый люк, рога козла на вольном выпасе. Решительно и отчаянно Аделина бежала навстречу опасности. Лишь бы из дома. Лишь бы из ямы, куда её столкнула проклятая ранняя немощь. Кисть ударилась о доски забора, подогнулась в суставе. Но это была приятная боль. Пленница на радостях посмеялась. Тюрьма не бесконечна. Она достигла её границ.

За калиткой село громче. Трактор тарыхтит, машина едет, гуси гогочут, и всё далеко. Аделина запретила самой себе честно отвечать на вопросы, зачем и куда. В любом случае, оно теперь неважно. В конце концов, она мало чем отлича-

лась от того же ребёнка в утробе. Кому, как не матери-жизни давать право вершить судьбу своего дитя? Только так обретается настоящая свобода – в безоговорочном послушании.

Воображение начертило улицу. Аделина выбрала направление. Скоро иллюзия померкнет, утонет в мазуте. До тех пор остаётся наслаждаться иллюзией контроля.

Перемещение без поводыря на открытом пространстве давалось значительно труднее, чем предполагалось. От того, что вестибулярный аппарат, как мог, настраивал компас на стороны света, очень быстро закружилась голова. Меньше, чем через минуту, Аделина столкнулась со своим же забормом. Или уже соседским? Они похожи – сыроваты в гнили и будто покрыты гибким, как линолеум, слоем древесины.

Беглянка ступала по высокому разнотравью, не решаясь оставить опору под рукой. Единожды напугала гремящая цепью собака, разок фонарный столб, отлитый в пористом бетоне, преградил дорогу. Поворот в какой-то переулок, забег веры направо, метров на сто, и Аделина убедилась – она окончательно потерялась. О близости к дому можно только воображать. Мелодичный звон, с каким сломались невидимые кандалы на её шее, вступал в консонанс с тревожным колокольчиком, набатом гремящим в недрах души.

Девушка старалась вести себя естественно, держать руки поближе к туловищу. Но они всё равно дёргались, когда сама кровь в жилах предугадывала неминуемое столкновение с очередным препятствием. Слепая нарочно не прихватила

с собой трость. Пусть с ней до сих пор медленно и неудобно, палочка здорово бы выручила теперь. Выручила, не будь мотивов, отличных от тактики выживания.

– О, зырь. Зырь!

Аделина решила, что шепчут ей. Повертела головой. Это кто-то не близкий, и слова различила лишь благодаря чуткому слуху. Как и смешок.

– Пьянь? – уточнил второй и крикнул: – Эй! Эй, стой!

Девушка послушалась. Твердь под ногами пошла в наклон, а в воздухе угадывалось амбре мокрых утиных перьев, плакучей ивы и сока рогоза. Вероятно, прямо по курсу болото.

В животе поднялась ледяная волна. Помимо ощущения чужого взгляда на себе, какое навешает и зрячих, различила шаги. Голова вжалась в плечи, ноги повели назад. Света не видно, но по наброшенной вуали прохлады можно фантазировать, что на неё упала тень.

– Ты чего? Слышь? – без пауз пропел молодой мужчина. Скорее даже парень.

Аделина молча отступила. Другой невидимка схватил за рукав, озаботился:

– Да погоди, убьёшься.

Сердце не узнало в помощи ничего доброго. Замерло. Лицевые мышцы закололи крошечные иголки. Хотелось высвободиться, если бы не топь за спиной и давящая аура во круг. Себя выдали двое, но страх с великими слепыми гла-

зами подсказывал – людей здесь больше. Стоило рано или поздно встретиться с теми, кто пристал бы и посмеялся. Но чтобы вот так?

– Чего-й такую и не видели. Потерялась?

– Тупой, глянь, она же нулевая.

Не отреагировав на колыхание воздуха перед лицом, Аделина вздрогнула от щелчков пальцев у самого носа. Хрусталики кристально чисты, а взгляд ясный, но, как говорила мама, рассеянный и беглый. Если смотреть вблизи – очевидно, что ей ничего не видно.

Возмущение вернуло дар речи. Девушка отпихнула пахнущую бензином руку, по-прежнему удерживаемая.

– Я нормальная.

– Ну да... нормальная.

Леность, с которой растянулись эти короткие слова, придала сказанному двусмысленности. Обрывая паузу, Аделина дрожащим голосом выдала пустое:

– Ребята, не надо.

– Да что ты? – угадывалась улыбка. – Как же тут одна? Давай поможем. Домой вернём.

Её потянули, чья-то тяжёлая ладонь легла на сгиб локтя.

– Да правда вернём.

Несчастную затрясло. Хорошая перспектива – незрячая никого не узнает, никого не запомнит. Хотя бы того, кто третий, поддатый, судя по спиртовому шлейфу, пользуясь моментом, касанием очертил изгиб бёдер. Едва не вывернуло

наизнанку от ужаса, когда мшистый ковёр под подошвой съехал в пропасть вместе со всей планетой. Все философские размышления о смысле жизни и ценности личности как таковой в одночасье канули в лету, когда то, чем нагнетают трагедии в книжках, совпало с реальностью.

Проснулось внутренне животное. Девушка, извиваясь и целясь наугад, освободилась, от головокружения потеряла равновесие. Пальцы погрузились в шёлковую, окроплённую росой лебеду, сжали листья, обломали стебли. Надо кричать, если б горло не осипло. Аделина тонула в зелёном море, по едва уловимым вибрациям земли считая шаги в свою сторону.

И сидела. И сидела. Ничего не происходило. Высоко в небе глухо гаркнула ворона. Чапая лапами в воде, крикнули утки. Аделина восстанавливала дыхание, готовая лопнуть от напряжения. Абсолютно потерянная, кое-как встала. Помахала руками в радиусе метра. Либо компания издевалась над ней, либо, в самом деле, здесь никого не было. Девушка болезненно ахнула, прижала кулаки к вискам. Зловещая мирная тишина обступила, ввергая в ночной кошмар. С незнакомыми ребятами было не по себе, но то, как внезапно и беззвучно они пропали, окончательно сводило с ума. Эфемерное электричество, накрывшее стеклянным куполом, не давало никакого ощущения безопасности. Наоборот. Неизвестно, что там, за чёрной ширмой. Возможно, прямо сейчас огромное и тихое, как само солнце, сотканное из фобий, сто-

ит в шаге впереди, и таращится. Сейчас кинется... сейчас...

Аделина не знала, где она. Пугающе давно не трогала рукотворное. Куриное кудахтанье, духота печного дыма, собачий лай остались лишь приятным воспоминанием. Их сменил робкий шелест трав и листьев. Величественно, просторно, как шумит вольный океан, природа вокруг дышала и подрагивала от ветра. Припекало темечко. Жажда давала о себе знать, голод – ещё нет.

Околицу беглянка оставила меньше часа назад, даже если минула целая вечность. На пути не встретилась вода и подъем на холм. Это помогло определить стороны света, но не направление. Правда одна – Аделина здесь никогда не бывала и не стала бы уверять, что бывал кто-то другой. Злаки

высокие, остропёрые. Пальцами стирались шишки василька, ёжики лопуха. То тут, то там, словно таможенники, сторожили бесхозные земли деревья в колках. Их кора с «бумажными» кудряшками, веретенovidными язвами, а шорох крон ласковый, музыкальный, как у берёз. Не возделываемое поле, не топь, не лес. Остаётся дикий луг.

– Боже, – нечаянно сорвалось с губ. – Как же темно.

Весело трещали воробьи, жужжали крылатые букашки. Звуки живности глушила стучащая в голове кровь. Биение в груди выдавало малодушный страх, изматывало совесть. Аделина уже давно для себя всё решила, а именно ничего. В буквальном смысле ничего – ровно то же самое, что и видела. Она может остаться здесь, как те же растения, слепо увядать от истощения. Может быть найденной, спасённой, уличённой в грандиозной подлости. Аделина знала – попытка ждёт в любом исходе. Вот и отдала вожжи матушке-биологии, кою любила и хотела постигать в университете. Старый закон эволюции – слабые особи не должны существовать. Но и самоликвидироваться... глупо и безнадежно. Следовало провести по случаю чистый эксперимент – исключить социальный фактор, отступить к природе. И только одна гордость за смелость выходки и новообретённое чувство свободы спасали теперь от тревог.

Молчание мира, несравненно приятное на контрасте с бабушкиным плачем и мамиными причитаниями, невероятно скоро перестало приносить должное успокоение. Чёрная

бесконечность, казалось, разрасталась с каждой секундой. Подобно Вселенной она расширялась. Чувство собственной ничтожности разбухало вместе с ней. Аделина едва не выла оттого, как остервенело непрошенные, сумасшедшие мысли рвали лоскутное одеяло сознания.

Путаный травостой возникал из ниоткуда и с единственным шагом исчезал в никуда. От конского щавеля или пера иван-чая, не выдавших по шутливому случаю своего присутствия шуршанием на ветру, слепая шарахалась, будто от бодающегося козла. Оно здорово калило нервы. После очередного столкновения с гибким клёном Аделина почувствовала, что сейчас же закричит. Обломала стебель попавшегося под руку дудника и как тростью размахивала. Идти стало едва ли спокойнее, однако.

«Никогда не рисовать. Не смотреть кино. Не водить машину, не дружить» – накидывала тоскливые перспективы одиночка, лишь бы убедиться в верности принятого решения. – «Я ведь даже не уверена, что всё вокруг по-прежнему существует. Что это жизнь».

Небесные лучи меняли угол падения миллиметр за миллиметром. Прохлада накрыла сырой фатой. Она отдавала терпкостью клейких еловых шишек, душистостью летней хвои, гнилью подлеска. Камень с души упал. Теперь руки только и делали, что хлопали по грубой сосновой коре и щипали мясистые иголки пихт. Скоро непроглядная чернота хлынет из глаз и затопит весь мир. По законам выживания,

если в детских книжках писали правду, лучше ночевать под пологом тайги, чем в чистом поле. В конце концов, это по биологии – вчерашнему примату в лес. Да и по совести это – беречься по мере сил.

Аделина неуверенно и как будто несколько смущённо легла на плащ, укрылась курткой и сложенной в несколько слоёв простынёй. Тёплая июньская ночь стала самой холодной в жизни молодой девушки. Дочь переживала за маму, что должна уже вернуться из города, обнаружить голодную и грязную старушку одну. Но все мысли возвращались к тяжести собственной участи. От земли тянуло могильной росой, воздух давил тоннами не выпавшего снега. От факта синхронизации слепоты и реальности стало по-настоящему жутко. Лес тягостно молчал, время от времени взрываясь хлопками совиных крыльев, оглушающим хрустом веток, воплем безымянной птицы. Погружение в сон было рваным, мучительным. Беглянка вскакивала с вскриком. Уже сто раз прокляла себя, что вовремя не проявила терпения и не нашла дома спички.

Смерть дышала в макушку. Аделина чувствовала кожей – за ней наблюдают. Замерли прямо над ней. Даже не дышат.
– Убей. Убей меня, пожалуйста.

Не верила, что произносила то вслух, пусть и в полудрёме. Хотелось покоя, тёплого угла. Хотелось просто перестать гореть от страха и озноба. А это несуществующее гигантское нечто не внимало к пустым мольбам.

Проклятый круг замкнулся. Иногда, ещё девочке, снился кошмар. Там она была глуха, и в тотальном безмолвии некто бесформенный, беспощадный, неотвратно и степенно ступал к ней из червотчины. Дыра в пространстве, которую видела только жертва. Настигая, существо... Аделина не знала, чем оно грозило. Тогда сон прерывался, а теперь с пробуждением в темноте продолжался бесконечно.

Утром странница могла лишь ужаснуться – всё же очнулась. Поднялась, отряхнулась от чешуек семян, обратилась в слух. Морозит, разит стужей тумана и росой земляничных листьев. Позвоночник будто обледенел. Затрусило. Рассудок вышвырнуло прочь из головы.

– Господи, куда?! – спросила Аделина.

Верная тишина была ей ответом. Не иначе как Бог, в самом деле, оставил, если даже теперь не услышал. Слепая стелала раненным зверем, носилась в помешательстве среди сосен и елей, зло стегаящих ежовыми лапами. С безысходностью пропавшего без вести сравнима разве что участь запертого в гробу. Тоже беспросветно. Тоже одиноко. Аделина потерялась в своём лабиринте. Бежала от воображаемого минотавра и сходила с ума от гнилой правды – она вырыла себе могилу сама.

Бурьян царапал пястья, щёки. Вяло, с манерой ласковой домашней кошки. Нога зацепилась за корягу. Траектория падения повела в кусты. Аделина поднималась, хватаясь за упругие тонкие веточки, усеянные хрупкими колючками. Потянуло зелёной свежестью и ягодной спелостью. Подозрительно щедрая удача. Руки погрузились в заросли. Из ладоней через край посыпалась малина. Столь живителен был её сок! Маленький таёжный гостинец будто бы возвращал к жизни. Даровал призрачную, по-детски наивную надежду на безусловную любовь жизни. На веру если не в лучшее, то в хорошее.

Очередной счастливый случай не заставил себя долго ждать. Монотонный плеск позвал спуститься с крутого бережка. Ленивое чавканье ряби рисовало в воображении тихую широкую реку или озеро. Пропитанная ароматами цветения и пресной сырости улиток вода успокоила окончательно. Знамо – пить из открытого водоёма небезопасно, но

торговаться смешно. Одна ушла невесть куда, чтобы скорее сгинуть, чем вернуться. Тогда впору причитать, что последний пряник в неудовольствие чёрств, а сон на голой земле отчего-то утомительно беспокойный.

Аделина черпала и пила с ладони. Закопчённую пожаром проклятия мглу сознания озарила идея задержаться у водоёма. Дождаться, чтобы хоть немного прогрелся, и смыть с себя грязь с мылом. А, может, остаться с концами? Предпочтительнее погибать от голода в обход жажды. Так в книжках писано, как и вилами по воде.

Живительная влага жалила морозом в пальцы, губы. Тело дрожало от удовольствия. Приходилось держаться за древесный корень, петлёй торчащий из земли, чтоб не скатиться вместе с крошками обтачиваемого ветрами откоса. Но и это не помогло, когда девушку грубо толкнули в спину. Захлебнувшись от испуга, Аделина мешком рухнула в воду.

Пена бурления мелко зашипела в ушах, стрельнула в перепонки. Стихия жадно обняла и подмяла под себя, жирными змеями заползла в резиновые сапоги. Потяжелевшие ноги опёрлись о дно, поднимая склизкий ил. Тонущая махала руками, жадно вдыхала у самой поверхности. Так и не научилась плавать. Когда наступила вечная ночь, стала бояться большой воды, как огня.

Без единой мысли, повинаясь импульсам бессознательно, Аделина отпустила себя... и осталась стоять. Глубины по плечи. Глотая воздух, охваченная новой волной паники по-

сле первой, рявкнула:

– Кто здесь?!

С берега не ответили.

– Трус! Добей, ну!

Брызги ярости окропили воздух. Ведь даже не знает, в ту ли сторону воюет. Но чужие ладони она выдумать не могла. Тепло человеческих пальцев через ткань и силу толчка. Осязание после болезни слишком чуткое для подобных заблуждений. Как и слух. Как и шестое чувство, теперь раззадоренное звенящим напряжением.

Воображение подкидывало абсурдные варианты. Кандидатами на роль губителей напрашивались те ребята, что поймали ещё в селе, или тот, кто помог им в одночасье исчезнуть. Больше суток одна в забытых Богом землях. Кто? Как? За что?

– Хватит! Я устала!

Аделина едва не ревела. Потому что боязно подойти к берегу, где будто и не было никого. Потому что не знала, где берег.

В кожу впивались ледяные шипы. Ничего не происходило, разве что от гнетущего ожидания неизвестного подкрадывалась истерика. Девушка гребла, куда глаза глядят – в никуда. Кое-как преодолев жалкие метры, поворачивала. Искала твердь выше уровня воды. Не дольше пяти минут продолжались поиски, но этого хватило для первых седых волос. Куда ни вела интуиция, дно не опускалось и не поднималось.

Илистыми перекатами кочки чередовались с ямами и только. Аделина почти поверила, что дошла до моря и заступила на бескрайнюю мель. Раньше, чем позже, решится утопиться, лишь бы покинуть голодные топи.

Когда безысходность достигла апогея, к рукам ласково и робко прильнула жизнь. Прежде острым, длинным пёрышком. Затем другим, пока те не срослись в хрупкие кущи. Камыш. Тут же гладкими плосками на мясистых ножках – листы кубышек. Неспешно, крадучись Аделина пробиралась через заросли. Сердце вспыхнуло от непрошенного восторга, но хозяйка его больше не позволила себе радоваться. Не может. Что угодно должно произойти и непременно произойдёт, хоть здесь, хоть на суше. Психика измотана. Готова поверить буквально во всё. Поверить, но не принять.

Поплутав в камышовых дебрях, слепая выбралась на берег. Одежда облепила тело, в сапогах доверху стояла вода. Девушка тряслась и рвано дышала. Не хотелось никуда идти, но и оставаться на месте нельзя. Уши не слышали, как губы лопотали бессвязное. Бред резко оборвался чужим шёпотом:
– А-а-а-ад-а-а-а-а.

Всё человеческое, что сохранила в себе Аделина, окончательно и бесповоротно покинуло её. Застыла камнем. Камнем от сотворения мира у безымянного озера.

– А-а-а-ад-а-а-а-а.

Ад представлялся? Или имя её шелестело в берёзовых листьях? Как угодно, а правда одна – хриплый голос звучал в

голове. Слишком живой для иллюзии, и в то же время фальшивый. Как сон, порождение душевного нездоровья, вшивался в ткань реальности.

Аделина горько усмехнулась. Не послушалась. Не пошла, куда её звали... или откуда гнали? Зачем? Не глупая же. Вот, совсем рядом, люди. Аромат свежеиспечённого хлеба, старой печи. Петух глотку рвёт, собак цепных перекрикивает. Машина проехала метрах в пятидесяти впереди, завернула куда-то за невидимый барьер. Жаль. Можно было бы попросить подвезти. Вдруг те самые ребята? Может, ещё не поздно? Потому что от усталости хоть с ног вались. Так хочется уснуть в натопленной бане, прямо на полу. Так, в помешательстве прошагав шесть километров, Аделина и легла, не раздеваясь.

На досках парной неудобно. Укрытая травяной периной сырая земля. Стены – берёзы, ели да тополя. Небо потолком. Моросит. Разве может быть мираж для слепого? Тактильная, слуховая галлюцинация. Ярче, чем настоящая, суровая жизнь.

Аделина сжалась в позе эмбриона. Старый перелом калил железом. Осталась вдыхать пыльцу клевера и соль слёз горькой полыни. Не нашла в себе храбрости покинуть локацию, которая на какое-то счастливое мгновение показалась домом. Это не защита – пародия. Если спрятаться в зарослях, больше не окликнут?

Наступала ночь. Влажную кожу обжигала стужа. Рюкзак с

одеждой остался покоиться на озёрном дне вместе со здравым смыслом. Девушка хотела одного – стать фиалкой в тени рябых крон. Стать изъеденной гусеницами земляникой или опавшим тлеющим листом, лишь бы не жить. Лишь бы не чувствовать голода, холода и вибраций сбитого пульса.

– Хватит. Я устала...

Темнота онемела. Смолкли птицы, жуки и травы. Аделину словно накрыло стеклом – так было обманчиво тепло и тревожно. В бессилии даже не шелохнулась. Животные инстинкты загорелись, не найдя выхода. Она хотела бы спать, если бы не бодрость в каждом ударе в клетке рёбер. Обхватила запястья, царапнула. Нет, не сон. Лежит и вглядывается во мрак.

Отвыкшие глаза потяжелели, затылок налился свинцом. Слепая видела. Крошечную светящуюся точку по центру, как прицел. Оглушённая, съеденной тьмой, Аделина наблюдала кошмар наяву. Точка разрасталась, стала обретать форму.

– Нет, не надо!

Тело в обход разума насекомым заворочалось в мятой лебеде. Зажмурилось. Огонёк никуда не делся. Несчастливая вскочила. Всё повторяя «нет-нет-нет», носилась по хаотичным траекториям, врезалась в древесные стволы. Звала на помощь. И её звали в ответ. Эхо на крыльях ночи доносило из чащи обрывки имени. Аделина спутала их с недавней фантазией. Потому что единственная реальность – све-

тящийся фантом. Он явился из червоточины мира на обратной стороне век. Неумолимо наступал, чтобы, наконец, дойти до конца. Слабое сияние тянуло солнечные руки вглубь сознания, чтобы на этот раз ослепить душу.

Немое существо из детского морока, игнорируя законы биологии и Божьи заповеди, подошло вплотную. В упор установилось на жертву. Незрячая, лишённая выбора, посмотрела ему в глаза. Пустой чёрный взгляд. Всё это время, от самого рождения, главным её кошмаром был человек. Тот, кто накануне защитил от обидчиков. Кто исполнил мимолётное желание и помог искупаться. Кто отрезал от всего остального мира. Самый близкий из людей в этом космосе без стен и дверей. Ближе никого нет и не будет.

В одночасье Аделина сошла с ума. От испуга остановилось сердце, а из горла вырвался дикий вопль.

– Мама! Мама!

Дочь металась по кровати. Одеяло скатом сползло на пол, обнажая мокрое от пота тело. Женщина, на ходу одёргивая халат, бежала к своему ребёнку. Почти как тогда, когда та была малышкой в колыбели и плакала, плакала, плакала.

– Я здесь! Я здесь. Всё хорошо.

Недавнее потрясение, которое пережила их семья, открыло для закалённой трудностями женщины давно забытые влечения к ласке. От стали в голосе и грубости в жестах уже не исцелиться никогда. Зато душевные волнения, ещё не схлынувшие после чудесного спасения доченьки, возвращали их отношения к детско-родительским. Как было раньше. В тотальной зависимости от главы семьи. Так гораздо удобнее управляться с двумя инвалидами.

– Мама!

– Что? Что такое? – сочились жалостью её вопросы.

– Она придёт, – роняла слёзы Аделина. – Она ходила за мной! Опять я увижу!

– Ну! Ничего не видишь, дурная! Успокойся. Спи.

В сердце матери вскипела злость. До сих пор терялась в догадках, почему дочь сбежала из дома. Оставила бабушку на волю судьбы и сама унеслась в тайгу. Добровольцы, может, и не нашли бы её в этих дебрях, если бы не крик из темноты. Мама ненавидела, потому что теперь никогда не узнает мотивов ребёнка. Сельский врач сказал, что лучше отдать девочку врачам. Что имеет место быть нездоровье не только лишь физическое.

«Не отдам ни в какой дурдом! Пропадёт без меня».

Злость быстро сменялась кристально чистым, подлым удовольствием. Тяжёлая доля привязанной к больным дарила женщине безграничную власть. Пускай оставлена всеми остальными, живущими на земле. Мир несправедлив, и чёрт бы с ним! Зато двое родных людей по-настоящему нуждались в ней. От неё одной напрямую зависела их жизнь. Не хотелось признавать, сколь проклятая и уставшая на самом деле счастлива. Особенно теперь, когда дочь, наконец, повзрослела и поняла, кто, на самом деле, ей ближе всех. Навсегда, до последнего вдоха.

Мама сделала шаг от кровати. Её схватили за руку. Аделина сбивчиво, на грани помешательства, зашептала:

– Нет, останься. Мне страшно. Пожалуйста.

С тяжёлым вздохом недовольства сиделка легла рядом. Ребёнок прижался к тёплому боку матери, как к спасательному кругу. Жмурился и дрожал. Та гладила по волосам, смотрела на разбегающиеся по потолку трещины и ни о чём не думала.